

Ковалева

Сокрушительное обаяние и артистизм высшей пробы. Говорить о ней в прошедшем времени — не получается. Слишком жизнеутверждающее, ликующе-праздничное это дарование.

Лет двадцать назад мы сидели в ее маленькой кухне. За окном распустилась ива, и, неотрывно глядя на нее (кто видел эти глаза, в которых зелен и синева перетекали волнами, — меня поймет), Люба вспоминала Омск, город ее детства... И читала мне монолог Жванецкого, написанный специально для нее и во многом определивший ее судьбу: «Надо сказать то, что у каждого накипело, то есть нагорело...».

На мне было пла-
тыце, переи-
тое из школьной
формы. А вокруг, ой мамочка, на-
ряды — с ума сойти, а машин... а
этажей... не сосчитать. В общем,
мой некрепкий организм не вы-
держал столь сильных впечатле-
ний. Слегла. Потом с заткнутым
ухом явилась на экзамен во Всерос-
сийскую творческую мастерскую
эстрадного искусства.

«Что умеете?» — спрашивают.
«Да все!». Читала. Пела какую-то
бесконечную восточную песню.
Плясала шейк... Поступить-то по-
ступила. Но переживания тех дней
сказались. Представляешь: у сту-
дентки вокального отделения на не-
рвной почве пропадает голос. Со-
всем. На первых порах только шеп-
тала. Единственный шанс не вылететь
— перейти на разговорный
жанр. Тут-то и сгодились мое уме-
ние подражать. В Московском мю-
зик-холле играла самые разные роли,
в том числе и главные. Но когда, ок-
рыленная победой на VI Всероссий-
ском конкурсе артистов эстрады, я
подготовила сольную программу —
ее закрыли. Слишком много в ней
оказалось Жванецкого. В те времена
правду называли «очернительством»
и на сцену с правдой не пускали.

Однажды я увидела необыч-
ное выступление по телевизору.
Оно здорово контрастировало с
дежурным комикованием завзя-
тых весельчаков. Жалкая полу-
улыбка отделялась и парила от-
дельно от потерянных глаз, когда
женщина убеждала не нас — себя
— в достоинствах мужа-пьяницы:
«Может быть, я и плачу. Но это
же сквозь смех». Это был теледе-
бют начинающей актрисы Любо-
ви Полищук.

— Когда меня пригласил в Мос-
ковский театр миниатюр Михаил
Левитин, я испугалась отсутствия
школы и, уже будучи артисткой
столичного театра, поступила на
актерский факультет ГИТИСа.
Предстояли репетиции спектакля
по ранним рассказам Чехова, и я
ужасно волновалась. Но мне был
родственным волшебный мир игры,
творимый Левитиным, бросающим
на «холст» сцены эксцентрики и
психологическую драму, оперетту и
публицистику. Мне нравилось «ме-
нять лица». В «Чехонте в Эрмита-
же» выходила на сцену то модист-
кой, то актрисой, то кокеткой. А
сквозь эти пестрые женские харак-
теры и маски мы нанизывали общую
тему: попытку прорваться из круга
одиночества, сквозь громаду неуря-
диз и невезения к простому челове-
ческому счастью.

После Чехова был Хармс. В
этой высшей «Школе клоунов» бе-
лая клоунеса Полищук превраща-
лась в невообразимые гротесковые
персонажи, обнаруживая за над-
ривным весельем абсурд окружаю-
щей жизни. Выплывая молотки,
герои сцены свидания мгновенно
замораживали гомерический хохот
зрителей напряженной тишиной.
Действительно, еще немного — и
горлом могут пойти серпы...

— Совершенно моей стихией
оказалась «Соломенная шляпка».
Настоящий канкан, пенящееся ра-
достью зрелище. Как гостеприим-
ная парижанка я распахивала перед
зрителями красоту Елисейских По-
лей, Лувра, Площади Конкорд, пре-
вращалась в светскую львицу баро-
нессу де Шампиньи, вздыхающую
по знаменитостям, в танцовщицу
«Мулен Руж» и даже в караульного
опереточного солдата. Меня при-

Могучий голос летел над огородами раз-
росшегося сибирского города. Слова были все
какие-то непонятные. Соседка зависала над
изгородью: «Любка, чо орешь-то так?». А вско-
ре половина Омска сбегалась на концерт мес-
тного дарования, точь-в-точь, как Робертино,
выводившей: «Сарай пэрмэ» и «Тульки май».
Так она в тетрадку прямо с пластинки записы-
вала иностранные тексты. Потом в них вжива-
лась. Она умела на все лады: хоть под Зыкину,
хоть под филармоническое сопрано, заканчи-
вала на бис, низко, по-эстраднему шептала:
«Небо дышало...». Прозвище Артистка прикле-
илось намертво и потащило в Москву.

Ушла Любовь Полищук

Она была как бенгальский огонь

тягивают полярные характеры и
типы. В обозрении «Примеры из
жизни» я играла немолодую, затю-
канную жизнью женщину.

В течение десятилетий она бе-
зупешно обивает пороги гориспол-
кома, прося выселить ее из дома,
под которым с войны лежит нера-
зорвавшаяся бомба. Тут надо вык-
лючить все крайние регистры, мик-

шировать все краски. И поймать
верную интонацию, жест. Вот не-
давно в электричке ехала, смотрела
на женщину. Она держала такую
вот большую авоську на руках и
смотрела как-то тускло, в никуда.
Подъезжая к Москве, чуть встре-
пенулась. Достала из сумочки пома-
ду и без зеркала стала кружить
ее по губам...

Как там у Жванецкого:
«Трудно поменять глаза, что-
бы, когда играешь королеву,
в них не было штопки и прописки».

В ее фильмографии около 70
ролей. Были блестящие эпизоды,
были главные роли. А кажется,
что своей Роли так и не дожда-
лась. На первых порах кинемато-
граф бесстыдно эксплуатировал ее
как маску. В унылой советской
действительности эта экзотичес-
кая внешность, бананово-синга-
пуровая страстность казалась ре-
жиссерам спасительным бенгаль-
ским огнем, способным озарить
их скромные кинотворения.

ниц выговаривает режиссеру: «Ну за-
чем вам Полищук? Это же оперетта
и гламур!». И чуть тише: «Посмот-
рите. Вот кто вам нужен!». На мне
были сморщенные чулки, в руках —
нелепая хозяйственная сумка... Ну и
лицо — в той же тональности... Уже
отсмотрев кинопробы, члены худо-
вета разочарованно посмотрели на
режиссера: «А почему же Полищук
нам не показали?». Пришлось смот-
реть второй раз.

Труженица редкая, она отно-
силась к себе беспощадно. Ни
капли себя не жалела. Мужеством
обладала не то что не женским,
немыслимым. Все началось с эпи-
зода, принесшего ей славу. В
«Танго страсти» из «12 стульев»
гуттаперчевая партнерша Мир-
нова вылетала из его рук, что
появиться через мгновение с об-
ворожительной улыбкой в кадре,
пробивала головой витрину, выле-
пывала немыслимые па. За кадром
этой импровизационной легкости
осталось больше 10 дублей. Среди

В том потоке однообразных
ролей она винила себя: «У актера
всегда остается одно существенное
право — право выбора».

Она пыталась ломать свой ки-
ношный имидж. Кому-то вспо-
мнится беззвучный крик «комму-
нального одиночества» героини
фильма «День рождения», горький
монолог обвиняемой в «Христиа-
нах» (по Л. Андрееву) с ее недви-
мыми зрачками, глазами, злодейка-
судьба дочери репрессированного в
фильме «Любовь с привилегиями».

— Вот пробовалась у режиссера
Тепцова в картине «Посвященный»
по сценарию Арапова. Должна была
сыграть затурканную пожилую жен-
щину. Загримировалась. Уже входя в
павильон, слышу, как одна из помощ-

неудачных... Когда забыли подсте-
лить матрас и актриса, рухнув на
цементный пол, уже не могла
встать и улыбнуться в камеру...

В «Соломенной шляпке» после
тяжелой операции выделяла
акробатические трюки и повре-
дила межпозвоночные диски.
Больше полугода провела в боль-
нице. А потом... встала на пуанты
в музыкальном спектакле «А чей-
то ты во фраке». После автомо-
бильной катастрофы (сотрясение
мозга и смещение позвонков)
сыграла в гипсовой лангете пре-
мьеру спектакля «Искушение».
Приехала с гипертоническим
кризом играть с Константином
Райкиным «Там же, тогда же».
Один глаз успела накрасить и
рухнула в обморок. Да и в после-
днее время, уже смертельно боль-
ной, снималась вместе с мужем
Сергеем Цигалем в кулинарном
ток-шоу, продолжая нас развлека-
ть, подыгрывая партнеру, изоб-
ражала неумеху и любительницу
вкусно поесть... Вспоминала ли
она свой любимый монолог: «И
быть красивой все труднее?»

Тогда, в 80-е, на кухне, Люба
мало говорила про себя,
сбиваясь на партнеров.
Любимый — Даль. С ним снима-
лась дважды. Еще до «Принца
Флоризеля» был их дуэт в хорошем
телевизионном детективе «Золотая
мина».

— Это была настоящая школа
партнерства. Он обладал «абсо-
лютным слухом», удивительным
образом реагируя даже не на жест —
на движение ресниц, вздох. Каждая
интонация в его реплике возникала
не сама по себе, а из интонации
партнера. А главное... Умение под-
держать, ободрить, сказать какую-
нибудь ерунду, дотронуться до руки,
тем самым освобождая тебя от за-
жатости, защищая от равнодуши-
ной суеты съемочной площадки.
Здесь порой так невыносимо трудно
сосредоточиться. «Подворуй!» — го-
ворят на съемках. Значит, надо
смотреть поверх головы партнера.
Куда-то в стенку, и тогда перед ка-
мерой глаз сверкнет. Это ей —
стенке — ты обязан объясняться в
любви, ее обвинять в предатель-
стве, у нее искать сочувствия. Глаз
сверкнет, но исчезнет нечто нема-
териальное, связывающее партне-
ров. Исчезнет воздух. Я не люблю —
стенке...

● Лариса МАЛЮКОВА,
обозреватель «Новой»



ИТАР-ТАСС